

Рудольф Эрих Распе

Приключения барона Мюнхгаузена

Иллюстрации Игоря Егунова

книга с КРУПНЫМИ БУКВАМИ

Рудольф Эрих Распе
Приключения
барона Мюнхгаузена
Серия «Любимые книги
с крупными буквами»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3460215
Рудольф Эрих Распе Приключения барона Мюнхгаузена:
ISBN 978-5-04-105096-2

Аннотация

Кто не слышал про знаменитого барона Мюнхгаузена и его фантастические приключения! Чего только не случилось с этим храбрецом и выдумщиком! Довелось ему пролететь на пушечном ядре, с одного раза подстрелить семь куропаток, выбраться из брюха огромной рыбы и даже побывать на Луне! Правда это или ложь – решать читателю. Но сам барон Мюнхгаузен действительно существовал. Жил он в XVIII веке в Германии и был дворянином, военным и остроумным выдумщиком, прославившимся своими историями на весь свет. Его невероятные рассказы легли в основу книги немецкого писателя Эриха Распе, а также многих спектаклей, художественных и мультипликационных фильмов.

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

Предисловие	7
Охотничьи и военные приключения барона Мюнхгаузена	11
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Рудольф Эрих Распе

Приключения

барона Мюнхгаузена

Серия «Любимые книги с крупными буквами»

Иллюстрации Игоря Егунова

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Предисловие

В молодости я хорошо знал барона Мюнхгаузена. В то время ему жилось очень трудно: лицо, костюм, да и весь его облик были весьма неприглядны. По своему уму, происхождению и образованию он мог бы занять видное место в обществе, но в силу вышеозначенных причин редко выходил из дому, не желая краснеть за свой жалкий вид, переносить косые взгляды и снисходительные улыбки. Все близкие знакомые очень любили барона за его неистощимое остроумие, весёлый нрав и прямодушие. А какой это был удивительный рассказчик! Теперь таких уже нет! Начнёт он, бывало, вспоминать что-нибудь из своей прошлой, богатой всевозможными приключениями жизни: слова так и льются, картины сменяют картины, – и все, затаив дыхание, слушают, боясь проронить хоть слово...

Как уже было сказано, барон редко показывался в обществе. Многие годы я нигде его не встречал и окончательно потерял из виду, а потому несказанно удивился, когда увидел у себя в кабинете весьма элегантно одетого господина, который представился как барон Мюнхгаузен.

Вполне прилично одетый старик имел весьма моложавый вид, проницательные глаза лукаво подмигивали, а на лице играла весёлая улыбка.

– Неужели это вы, господин Мюнхгаузен? – воскликнул я. – Тот самый, не внук или правнук...

– Нет-нет, – перебил меня вошедший господин и приба-

вил: – Это я, ваш старый знакомый. Напрасно вас это удивляет! Должен сказать, что теперь, благодаря счастливо сложившимся обстоятельствам, дела мои поправились, и я могу снова возобновить светские знакомства. Возможно, вы не откажете дать мне несколько рекомендаций к вашим друзьям и знакомым, чтобы проще было войти в общество.

– Но, барон, я, право, затрудняюсь выполнить вашу просьбу. Мне хорошо известна ваша необузданная фантазия. Едва начнёте рассказывать, вами точно бес овладевает: уноситесь за облака и говорите о таких вещах, которых не только не было, но и не могло быть. Я же, в отличие от вас, ставлю истину превыше всего – и как человек, и как писатель.

– Что за странное обвинение, – обиделся Мюнхгаузен. – Это я-то необузданный фантазёр, рассказчик небылиц?! Откуда вы это взяли? Действительно, моя жизнь была богата разными историями, которые я люблю рассказывать, но лгать?! Никогда!.. Никто из Мюнхгаузенов никогда не лгал и лгать не будет! Не вынуждайте меня просить, мой добрый друг, а лучше напишите рекомендацию, что-нибудь этакое: «Мой старый друг барон Мюнхгаузен...», ну и так далее.

Он так красноречиво убеждал, что я наконец уступил его просьбам и дал злополучную рекомендацию. Однако считаю своим долгом предупредить моих юных друзей критически отнестись к рассказам барона Мюнхгаузена. Я убеждён, что вы прочтёте их с большим удовольствием: забавные приключения заставят вас смеяться, так же, как смеялись тысячи

детей до вас и будут смеяться после.

Франц Гофман

Охотничьи и военные приключения барона Мюнхгаузена

ОХОТНИЧЬИ
И ВОЕННЫЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ
БАРОНА
МЮНХГАУЗЕНА

Я решил отправиться путешествовать по России зимой, потому что от тех, кто когда-либо путешествовал по Польше, Лифляндии¹ или Курляндии², слышал, что дороги в этих странах очень плохи и бывают в сравнительно сносном состоянии зимой благодаря снегу и морозу.

Транспортным средством я выбрал лошадь, поскольку путешествие верхом избавляет от докучных столкновений с хозяевами почтовых карет и от риска нарваться на ямщика, который, вечно томимый жаждой, станет завозить вас в каждый шинок.

¹ Лифляндия – немецкое название Ливонии в XIII–XVI вв.; официальное название территорий Северной Латвии и Южной Эстонии в XVII – начале XX в.

² Курляндия – официальное название до 1917 г. Курземе, исторической области Латвии к западу от Рижского залива.

Жаль только, что я слишком легко оделся для этой северной страны: по мере продвижения на северо-восток всё сильнее давал знать о себе холод.

Представляю, каково было несчастному старику, которого я, проезжая через Польшу, встретил на пустынной дороге, на пронизывающем ветру. Едва прикрытый плохой одежкой, бедный старик, полуживой от стужи, сидел на обочине.

От души пожалев беднягу, я, хотя сам продрог до костей, бросил ему плащ и продолжил путь. Дальше ехал без остановок, пока не стемнело.

Передо мною расстилалась бесконечная снежная равнина. Царила глубокая тишина, и нигде не было видно ни малейшего признака жилья. Я не знал, куда держать путь.

Страшно уставший от долгой езды, я решил остановиться на ночлег. Привязав лошадь к остроконечному колу, торчавшему из-под снега, на всякий случай я положил рядом с собой пистолеты, улёгся неподалёку от неё и тотчас заснул крепким сном.

Проснулся я белым днём и, к величайшему своему изумлению, увидел себя на деревенском кладбище! Моей лошади нигде не было видно.

Вдруг где-то высоко в воздухе раздалось ржание. Я взглянул вверх: мой конь, привязанный за повод, висел на верхушке колокольни. Я сразу понял, в чём дело: накануне снег засыпал деревню и окрестности так густо, что образовалось обширное поле, по которому я вчера ехал. Ночью внезап-

но наступила оттепель, и снег стаял. Пока спал, я незаметно опускался всё ниже и ниже, пока не достиг твёрдой земли. Таким образом и очутился на кладбище, – а то, что принял вчера за кол и к чему привязал лошадь, оказалось шпилем колокольни.

Недолго думая я выстрелил из пистолета по ременной привязи, и спустя минуту лошадь стояла возле меня. Оседлав её, я поехал дальше.

До русской границы всё шло благополучно, но, к сожалению, в России зимой не принято ездить верхом. Я никогда не нарушал обычаи стран, где побывал, – не изменил своему правилу и на этот раз: приобрёл небольшие сани, запряг свою лошадку и бодро и весело направился прямо в Петербург.

Не могу сказать наверняка, где это было, – скорее всего, в Эстляндии³. Хорошо помню, что я ехал дремучим лесом. Как-то оглянулся и вижу – за мной бежит громадный матёрый волк, явно голодный. Хорошо понимая, что от его острых зубов не спастись, я бросил вожжи и лёг в сани. И предчувствия меня не обманули: волк перепрыгнул сани и набросился на лошадь, которая от страха и боли пустилась бежать что есть мочи.

³ Эстляндия – историческое название Северной Эстонии.

Всё ещё не веря, что избежал неминуемой гибели, я тихонько приподнял голову и с ужасом увидел, как голодный зверь терзает зубами бедную лошадь. Я огрел его кнутом изо всей силы. Волк с перепугу и от боли рванул вперёд, лошадь упала на землю, он очутился в её упряжи и оглоблях. Я же продолжал нахлёстывать его плёткой, так что мы благополучно добрались до Петербурга.

Не желая утомлять юных читателей, я не коснусь описания государственного устройства, искусств, наук и всевозможных достопримечательностей великолепной столицы Российской империи. Лучше расскажу о лошадях и собаках – моих лучших друзьях, а также о лисицах, волках, медведях и других зверях, которыми, как ни одна страна в мире, богата Россия. Хочется мне поведать ещё о русском веселье, об охоте и о разных подвигах, которые украшают честного дворянина больше, чем самый модный и богатый наряд и изысканные манеры.

Поступить на службу в русскую армию мне удалось не сразу. Пока ждал, было много свободного времени, и я провёл

его так, как и подобает благородному дворянину: весело и беспечно. Стоило это немалых денег, но всё же я с удовольствием вспоминаю лучшее в моей жизни время.

Суровым климатом и обычаями страны можно объяснить (но нельзя целиком оправдать) тягу населения к вину. В России есть прямо-таки виртуозы в искусстве питья, но всех в этом отношении превзошёл генерал с седой бородой и медно-красным лицом, который часто обедал с нами.

Старик за столом всегда сидел в фуражке, за что чисто-сердечно извинялся перед всяким новым лицом. А не снимал он её, чтобы скрыть недостаток на голове, происшедший от потери черепных костей вследствие ран, полученных в ту-рецкую войну. Почтенный воин за обедом выпивал несколько бутылок алкогольных напитков, однако никогда его не ви-дали пьяным.

Это может показаться неправдоподобным: я сам долго недоумевал, – и только случайно понял, в чём дело.

Генерал изредка приподымал фуражку – сначала я не обра-щал на это внимания, – весьма естественно, время от вре-мени нуждаясь в том, чтобы освежить голову. Но вот одна-жды, в то время как он приподнял фуражку, я заметил, что вместе с ней поднялась и серебряная пластинка, которая за-меняла ему недостающую черепную кость. В это образовав-шееся отверстие клубом выходили винные пары.

Тут-то я всё понял.

Я тотчас рассказал про своё открытие двум лучшим моим друзьям, и мы решили проверить мои наблюдения на опы-те, благо был вечер, самое удобное для этого эксперимента время.

Я незаметно подошёл к генералу с курительной трубкой в руках и, выждав момент, когда он приподнял фуражку, бы-стро поднёс к его голове клочок бумаги, который зажёт от труб-ки. И в тот же миг все увидели чудное явление: винные пары загорелись огненным столбом. Те же пары в волосах старика

зажглись голубым огнём и образовали великолепный лучистый венок.

Генерал отнёсся добродушно к моей проделке и впоследствии не раз позволял повторять эти невинные опыты.

Не буду говорить о других шалостях, которыми мы забавлялись, а перейду прямо к рассказам о моих охотничьих приключениях, во всех отношениях более интересным.

Страстный любитель охоты, я отдался ей всей душой. Для меня ничего не было лучше на свете, чем поохотиться в дремучих лесах, которые тянутся в России на сотни вёрст. С величайшим удовольствием я вспоминаю те времена, когда пережил немало опасностей и рискованных приключений, но всё как-то сходило с рук и всё удавалось.

Как-то проснувшись рано утром и выглянув в окно, я заметил на пруду, раскинувшемся перед домом, великое множество диких уток и недолго думая схватил ружьё. Бросившись со всех ног к двери, на свою беду, я не заметил прихлопки и с разбега так сильно ударился о неё лбом, что из глаз посыпались искры. Потерев лоб, я побежал к пруду, но в ту минуту, когда прицелился, заметил, что нет кремня: он соскочил от сильного толчка.

Каждая минута была дорога: я не знал, как быть, — но, к счастью, вспомнил о своей ушибленной голове и, хорошенько прицелившись, со всей силы ударил себя по лбу. От удара из глаз посыпался сноп искр. Порох воспламенился, и грянул выстрел. Я убил одним выстрелом пять пар уток, четырёх хохлаток и двух лысух. Да, много значит не растеряться в решительную минуту. Находчивость — великое дело! Как известно, только благодаря ей удача сопутствует воинам, мореходам и охотникам.

Вот какой ещё был со мной случай. Как-то мне довелось охотиться на уток на большом озере.

Птицы плавали не скученно, а на значительном расстоянии друг от друга. Посмотрел я и подумал: выстрелом никак не положить больше одной, а у меня в патронташе, как на грех, остался всего один патрон. Что делать? А я, как нарочно, пригласил к себе большое общество! Было бы недурно угостить друзей жареными утками.

К счастью, вспомнив, что от завтрака в ягдташе остался кусочек свиного сала, я вытащил из кармана собачий поводок, рассучил, чтобы сделать длиннее, и привязал к нему сало.

Спрятавшись за камыш, я бросил в воду конец поводка с наживкой и почти в тот же миг, к величайшей моей радости, увидел, что одна из уток быстро подплыла, жадно схватила сало и проглотила. За какие-нибудь две-три минуты са-

ло прошло по всем внутренностям утки и снова очутилось в воде. Его проглотила другая, за ней – третья и так далее, до самой последней.

Когда утки нанизались на верёвку, как бусы, я осторожно притянул всю стаю к берегу, обмотался поводком с утками шесть раз и пошёл домой.

Груз оказался довольно тяжёлым. С трудом одолев полдороги, я почувствовал, что не донесу домой свою добычу, и стал было раскаиваться в жадности, но тут случилось неожиданное обстоятельство, повергшее меня в величайшее изумление. Все утки оказались живыми и, едва освоились со своим новым положением, разом взмахнули крыльями и подняли меня высоко в воздух. Всякий на моём месте растерялся бы, но только не я: распустив по ветру полы камзола, я стал ими, как рулём, направлять полёт уток к дому.

Теперь надо было обдумать, как бы безопаснее спуститься на землю. И я принялся сворачивать уткам головы, что позволило постепенно и медленно приземлиться. Почувствовав под ногами дымовую трубу, я спустился по ней в кухонный очаг, на моё счастье, ещё не топившийся. Моё внезапное появление очень испугало повара и всех домочадцев, но когда они увидели, что я жив-здоров и принёс немало добычи, испуг сменился радостью.

Другой в этом же роде случай вышел у меня с куропатками.

Как-то пошёл я в поле опробовать новое ружьё и один за другим расстрелял все заряды. Оставалось только вернуться домой, но как раз в этот момент из-под самых ног взлетела стая жирных куропаток.

Сильное желание подстрелить птицу на ужин подсказало мне счастливую мысль прибегнуть к одному средству, успех которого превзошёл все мои ожидания. Заметив то место, куда опустились куропатки, я зарядил ружьё шомполом, конец которого наскоро заострил. После этого, дождавшись момента, когда птицы поднимутся, я выстрелил по ним и, к своему величайшему удовольствию, увидел, что на некотором расстоянии от меня упал шомпол с нанизанными семью куропатками, которые казались очень удивлёнными, что неожиданно попали на вертел.

Выше я говорил, какое великое значение имеет для охотника находчивость.

Однажды в России попалась мне на охоте в лесу великолепная чернобурая лисица. Я бы мог убить её из ружья, но тогда неизбежно испортил бы чудный мех. На моё счастье, кума лиса стояла рядом с деревом. В одну минуту я вынул из ружья заряд, заменил пулю гвоздём, выстрелил и попал так удачно, что пригвоздил хвост лисицы к дереву. Та принялась дёргаться, да так, что вскоре вышла из своей шубы.

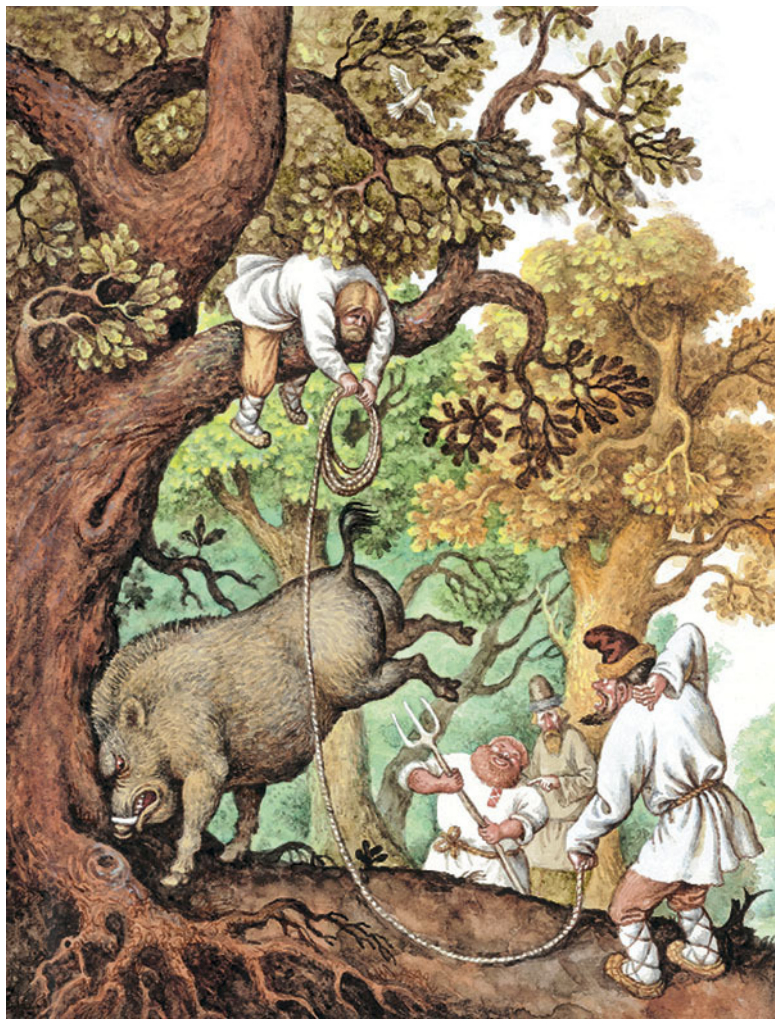

Нередко охотник обязан своей удачей случаю. Я это ис-

пытал на себе. Однажды в лесной чаще мне попалась дикая свинья с поросёнком, который бежал впереди, а мать не отставала от него ни на шаг. Выстрел оказался неудачным – пуля пролетела между поросёнком и свиньёй. Поросёнок убежал, а свинья осталась на месте, точно вкопанная.

Подойдя ближе, я всё понял: свинья была слепая. Из рта у неё торчал кусочек хвоста поросёнка, который, точно по чувству долга, служил ей поводырём. Моя пуля перебила хвостик убежавшего поросёнка, и свинья осталась без поводыря. Она беспомощно стояла на месте, не зная, куда двинуться. Взяв за кончик хвостика, который свинья крепко держала в зубах, я легко повёл её домой. Старое животное шло без всякого сопротивления.

Как ни страшны дикие свиньи, но иметь дело с кабаном неизмеримо опаснее: на него я неожиданно и наткнулся в лесу. К несчастью, у меня не было с собой оружия и пришлось спрятаться за дерево. В тот же миг разъярённое животное прыгнуло на меня, но промахнулось и вонзилось клыками в дерево, да так глубоко, что кабан не мог никак их вытащить.

«Голубчик, теперь ты от меня не уйдёшь!» – сказал я себе и, схватив валявшийся на земле камень, стал изо всех сил бить по клыкам, чтобы ещё глубже вошли в дерево. Теперь кабан оказался у меня в плену и не мог убежать. Сходяв в соседнюю деревню за верёвками и телегой, я привёз кабана домой живым.

Или вот ещё случай. Шёл я как-то лесом после удачной охоты с ружьём без единого заряда. Вдруг, помимо всякого ожидания, из лесу вышел олень изумительной красоты, какого я ещё никогда не видел. Он взглянул на меня так спокойно и доверчиво, словно знал, что у меня нет зарядов. Вмиг проявив смекалку, я нарвал вишен, вычистил и вместо дробы насыпал пригоршню косточек в ружьё. Мой заряд попал оленю в лоб, между рогами, и, оглушённое выстрелом, животное упало, но в ту же минуту вскочило и убежало.

Года через два мне пришлось охотиться в той же местности – смотрю, из лесу вышел красивый олень, и между рогов у него вишнёвое деревце, футов десяти вышиной. Тогда я вспомнил ту встречу с оленем и на сей раз не сплеховал.

На деревце висели спелые вишни, вкуснее которых я никогда не ел.

В критические минуты охотнику приходится пользоваться всем, что попадает под руку, лишь бы не упустить добычу. Не раз мне приходилось оказываться в таком положении.

Как-то раз в Польше я охотился на птиц. Охота была удачная, и зарядов не осталось. Вечерело. Я стал собираться домой, как вдруг, откуда ни возьмись, громадный медведь – идёт прямо на меня, широко раскрыв страшную пасть. Напрасно я шарил по карманам – там, кроме двух запасных кремней, ничего не оказалось. Схватив один, что было силы я бросил в открытую пасть зверя и угодил в самую глотку. Мишка заревел, опустился на все четыре лапы и повернулся ко мне задом. В тот же миг я всадил в него другой кремень. И произошло нечто необычное: от удара кремней посыпались искры, раздался оглушительный треск, и медведя разорвало.

Могу сказать, что на сей раз я вышел из беды благополучно, но повторения не хотел бы. Никому не пожелаю встретить медведя, не имея оружия.

Судьба меня преследовала безжалостно: стоило оказаться безоружным, я непременно встречался с каким-либо опасным зверем, точно он угадывал это чутьём.

Так, неожиданно однажды бросился на меня в лесу огромный голодный волк. И, разумеется, у меня не оказалось ору-

жия, однако я не растерялся: сунул ему в пасть кулак, да так глубоко, что у волка аж глаза повылазили.

Ну, и что дальше?

Положение пренеприятное.

Так стояли мы друг против друга. Глаза волка горели злобой: казалось, он только и ждал, чтобы я вынул руку, но я не сплеховал: засунул руку ещё глубже и вывернул волка наизнанку, как перчатку. Зверь тут же испустил дух.

Тогда всё обошлось, но как-то раз встретился я с бешеной собакой в узком переулке в Петербурге, и прибегнуть к этому приёму я не решился.

«Надо бежать», – подумал я и, чтобы было легче, сбросил

меховой сюртук.

Вещь была дорогая, подбитая ценным мехом, – сам добыл его на охоте. Мне было его жаль, и я послал за ним слугу.

На следующий день меня страшно перепугал неистовый крик: «Господин барон, ваш сюртук взбесился!»

В ту минуту, как я вошёл в гардеробную, мне представилась такая картина: взбесившийся сюртук, покусанный бешеной собакой, трепал и рвал моё парадное платье. Мы со слугой с трудом привели всё в порядок.

Я всегда легко выходил из трудного положения и из-за счастливо сложившихся обстоятельств, которыми умел так находчиво пользоваться, и благодаря тому, что никогда не терял присутствия духа. Все перечисленные условия крайне необходимы тому, кто хочет быть хорошим охотником, воином или мореходом. Однако в высшей степени безрассудно поступит тот охотник, адмирал или полководец, который будет полагаться только лишь на свою счастливую звезду, лич-

ную храбрость и находчивость, а не позаботится приобрести необходимые познания, материальные средства и хорошее оружие, нужные для успеха начатого предприятия. Лично я такой упрёк в нерадении не заслужил. Лошади, собаки и всякого рода оружие были у меня самые лучшие. А моё искусство стрелять и дрессировать животных вызывало всеобщее удивление знатоков: могу смело заявить, не хвастаясь, что воспоминание обо мне как об охотнике долго будет жить в лесах, полях и лугах. Не стану затруднять внимание читателей подробным описанием моих конюшен, псарен и оружия, как любят это делать пустоголовые хвастуны, а расскажу мимоходом только про двух собак, которые так верно мне служили и были так хороши на охоте, что воспоминания о них прочно поселились в моей памяти.

Одна из них была легавая. Своим умом, неутомимостью и чутьём она вызывала общую зависть моих многочисленных приятелей-охотников. Я охотился с нею днём и ночью: когда становилось темно, вешал фонарь ей на хвост.

Как-то (это случилось вскоре после моей женитьбы) жена вздумала пойти со мной на охоту. Я поехал вперёд, чтобы поискать дичь, и скоро мой верный пёс поднял целую стаю куропаток. Стрелять без баронессы не хотелось: с минуты на минуту она должна была подъехать с моим адъютантом и грумом, – однако время шло, а их всё не было.

Сильно обеспокоенный её отсутствием, я повернул коня назад, и на полпути услышал тихие, жалобные стоны, которые раздавались, как мне показалось, недалеко от меня. Внимательно осмотревшись, я, как ни приглядывался, никого не увидел.

Я слез с лошади, приложил ухо к земле и понял, что стоны раздаются из-под земли, причём ясно различаются голоса жены, адъютанта и грума. Осмотревшись, неподалёку я заметил отверстие каменноугольной шахты. Не оставалось никаких сомнений, что они провалились в шахту.

Вскочив на лошадь, помчался я в ближайшую деревню за рудокопами, и те с большим трудом и спустя долгое время вытащили несчастных из глубокой девятнадцатисажённой шахты: сначала грума с лошадью, потом адъютанта и, наконец, мою жену и её турецкую лошадку.

Замечательно, что ни люди, ни лошади нисколько не пострадали, несмотря на значительную высоту, с которой упали, и отделались лишь небольшими ушибами, зато испуг, пережитый ими, был так велик, что не поддаётся никакому описанию.

О дальнейшей охоте, как вы хорошо понимаете, нечего было и думать. Отдавшись спасению пострадавших, я, естественно, забыл о собаке, как и вы, мои дорогие читатели, а потому, вероятно, не станете на меня за это пенять.

На другой день мне пришлось уехать из дому по делам службы. Вернулся я только через две недели и сразу же за-

метил отсутствие моей Дианы. Никто о ней не беспокоился: все были уверены, что она отправилась за мной следом. Мы всюду её искали, но нигде, к великому моему горю, не могли найти.

Вдруг у меня мелькнула мысль, не осталась ли собака сторожить куропаток в поле. Волнуемый то ли страхом, то ли надеждой, я поскакал туда, где охотился в последний раз. И, к своему несказанному удовольствию, нашёл её там.

Я крикнул ей: «Фас!» Диана прыгнула, согнав куропаток с места, и одним выстрелом мне удалось положить двадцать пять штук.

Бедное животное так ослабло от голода и усталости, что едва доползло до меня. Дойти до дома собака не могла, и поневоле пришлось везти её в седле. Излишне говорить, с каким удовольствием и радостью я перенёс это маленькое неудобство.

Благодаря хорошему уходу Диана скоро поправилась и спустя несколько недель помогла мне разгадать удивительную загадку, которая без её помощи навеки осталась бы неразрешённой.

Два дня собака непрерывно гонялась за одним и тем же зайцем, причём несколько раз выгоняла на меня, но выстрелить не удавалось, так как косой не подпускал к себе близко.

Что за наваждение? Каких только приключений мне ни приходилось переживать, а такого случая ещё не было. Я терялся в догадках.

Наконец заяц подвернулся-таки: я его подстрелил. Не описать удивление, которое меня охватило, когда я подошёл к нему. Вы и представить себе не можете то, что я увидел! Кроме обычных лап у него было ещё четыре на спине. Когда уставали нижние, он переворачивался на ходу и бежал на верхних. Словом, делал так, как искусный пловец, который, устав плавать на животе, переворачивался на спину. Теперь понятно, почему Диана не могла догнать этого диковинного зверя.

Восьминогих зайцев я больше никогда не встречал, да и этого не пришлось бы увидеть, не будь у меня такой чудесной собаки. Я мог бы сказать, что Диана – единственная собака, обладающая столь редкими качествами, если бы у меня не было другой – борзой.

Эта собака была замечательна не столько красотой, сколько удивительной резвостью и в этом отношении не имела соперниц. Всякий, кто видел её на охоте, приходил в восторг. Знакомые понимали, за что я её люблю и почему так часто с ней охочусь. Моя борзая так много, долго и часто бегала на своём веку, что стёрла себе лапы почти до живота. Состарившись, она уже не могла гонять зайцев и служила мне только при охоте на барсуков.

В пору своей молодости – кстати, надо заметить, это была

самка – как-то раз гналась она за зайцем. Я едва поспевал за ней на лошади. Вдруг слышу издали, будто гонится целая свора собак, но лай такой слабый и нежный, что я стал в ту-пик, а подъехав поближе, увидел чудо из чудес.

Во время гона зайчиха и собака разрешились от бремени и принесли по одинаковому количеству детёнышей. Инстинктивно новорождённые зайчата пустились бежать, а щенята – за ними вдогонку. Таким образом, оказалось, что я, начав охоту с одной собакой, закончил с шестью и вместо одного зайца загнал шесть.

С неменьшим удовольствием вспоминаю я превосходную во всех отношениях лошадь литовской породы, которой не было цены. Эта животина досталась мне благодаря счастливому случаю, который дал возможность показать искусство верховой езды, в котором я соперников не имел.

Это было в Литве, в чудном имении графа Пржбовского. Всё дамское общество и я сидели за чайным столом, а муж-

чины вышли на крыльцо полюбоваться на породистого коня, недавно приведённого в графское имение.

Вдруг в открытое окно до нас донеслись крики. Я выскочил на крыльцо и увидел страшный переполох на дворе. Конь бешено носился по двору, брыкался и никого к себе не подпускал. Все ужасно перепугались, и никто не решался к нему подойти. Самые смелые наездники не знали, что делать; на лице были написаны испуг и озабоченность. Тут я ловко, одним прыжком, вскочил на спину коня. Он было отпрянул, взвился на дыбы, стал бить копытами, но скоро, почувствовав умелую и сильную руку, смирился.

Мне очень хотелось показать дамам искусство верховой езды, но, чтобы их не беспокоить, я заставил коня вскочить в столовую через открытое окно и принялся демонстрировать то шаг, то рысь, то галоп, после чего, уже на чайном столе, проделал всю школу верховой езды, чем привёл дам в неопишуемый восторг. Конь оказался настолько ловким, что не разбил ни одной чашки, ни одного стакана.

Граф также пришёл в восхищение от моего необыкновенного искусства и со свойственной ему любезностью подарил мне коня и пожелал успехов в военной службе, куда я собирался поступить под начальство графа Миниха.

Лучшего подарка я не мог и желать, а потому с нетерпением ждал выступления нашей армии в поход против турок и начала военных действий, где мне предстояло получить первое крещение огнём. Мне нужен был именно такой конь: смирный, как ягнёнок, и горячий, как Буцефал, – чтобы напоминать о долге честного солдата и великих бранных подвигах Александра Македонского.

Казалось, наш поход был предпринят с целью восстановить честь русского оружия, пострадавшую в неудачном походе на Прут под начальством царя Петра Великого. Наша армия, со знаменитым Минихом во главе, после трудных и славных походов одержала блестящую победу над турками.

Скромность не позволяет подчинённым приписывать себе великие победы, слава которых обыкновенно достаётся одним полководцам. Вот и я не претендую на честь победы, одержанной нашей армией над неприятелем. Все мы исполняли, как могли, свой долг. А это слово на языке патриота, солдата, да и просто честного человека, имеет более глубокий смысл, чем обыкновенно думают. Я служил в гусарах, командовал отдельным корпусом. Не раз мне поручали ходить в разведку и всецело доверялись моему уму и храбрости. Следовательно, я вправе сказать, что мне и доблестным

гусарам, которых я вёл к славе и победе, следует приписать счастливый исход всех возложенных на нас поручений.

Однажды, это было под Очаковом, мы отбросили турок к крепости. В авангарде закипел горячий бой. Мой быстроногий литовец опередил всех и унёс меня в самое пекло.

Я был вне линии огня и видел наступление неприятеля.

Турки подняли громадное облако пыли, и оно мешало угадать их силы и намерения. Я мог бы скрыть своё присутствие, воспользовавшись тем же прикрытием, но это замедлило бы выполнение возложенного на меня поручения, поэтому я приказал своим гусарам развернуться пошире на обоих флангах и поднять как можно больше пыли, а сам пошёл в атаку на неприятеля с фронта. Турки, видя нападение с трёх сторон и не будучи в состоянии угадать численность нашего отряда, не выдержали и бросились наутёк. Мы этим и воспользовались. Преследуемый нами неприятель бежал частью в крепость, частью ещё дальше.

Я мчался впереди всех на своём скакуне, но, заметив, что турки устремились к воротам крепости, остановился на базарной площади, чтобы приказать трубить сбор.

К моему величайшему изумлению, поблизости не оказалось ни трубача, ни вестового — словом, ни единой живой души. Я подумал, что гусары либо скачут по другим улицам, либо с ними что-то случилось. По моим расчётам, они не могли оказаться далеко и вскоре должны были меня догнать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.